

Глава 31. Альфа с расстройством феромонов (31)

Наступил период восприимчивости Сун Циня.

Шуй Цюэ казалось, что он вот-вот умрёт.

По сравнению с тем, как Сун Цинь обхватил его и не отпускал, собственная привычка юноши во время восприимчивости спать в тесной картонной коробке выглядела верхом нормальности.

Он не решался спросить, зачем Сун Цинь хранит все эти стопки фотографий, потому что состояние того было очевидно неадекватным. Рубашка мужчины, пропитавшаяся уличным холодом, была влажной, но тело под ней горело лихорадочным жаром. Это мучительное сплетение холода и огня передавалось через их соприкасающиеся тела.

Ресницы Шуй Цюэ дрожали. Он никогда не сталкивался с такими тяжёлыми симптомами и с тревогой спросил:

— У тебя жар?

Манжеты на рукавах Сун Циня были расстегнуты, волосы у висков сбились и намокли. Шуй Цюэ никогда не видел его таким... растрёпанным.

Каждый вдох и выдох альфы был пропитан ароматом сандала с примесью пыли.

Шуй Цюэ закашлялся. Его кожа была нежной, и от кашля уголки глаз мгновенно подёрнулись лёгкой краснотой.

Сун Цинь понял, что место не самое подходящее. Эту тайную комнату, служившую кладовой, он не убирал уже очень давно и никогда никому не показывал. Подложив руку под ягодицы Шуй Цюэ, он вынес его наружу.

— Не бойся, — обнаружив, что тщетно пытающийся вырваться юноша в его руках, похоже, испугался, он привычно похлопал его по спине, успокаивающе шепча. — Шуй Цюэ... не бойся.

От прежнего хладнокровия и рассудительности не осталось и следа. Мозг мужчины, затуманенный от нехватки кислорода, был не в состоянии анализировать, как Шуй Цюэ вообще нашёл это место. Лишь одна струна, настроенная на заботу о брате, продолжала натянуто звенеть, заставляя его механически повторять слова утешения.

— Поставь... поставь меня на пол.

Быть носимым на руках, словно ребёнок, в собственном кабинете было унижительно.

Его опустили на холодную столешницу. Ледяное прикосновение к копчику пронзило нервы, вызывая дрожь. Широкоплечий альфа полностью навис над ним, словно хищник, выслеживающий добычу, тщательно обнюхивая его тело.

Ни на тонкой талии, ни на плоском животе.

У него был высокий нос, выразительные надбровные дуги, а очки в золотой оправе придавали ему вид холодного, отстранённого аскета. Сун Цинь двигался снизу вверх, тесно прижимаясь к нему. Выше живота, плоского от отсутствия пищи, виднелся едва заметный бугорок.

Тяжёлое, прерывистое дыхание коснулось этого места. Маленький и круглый, под тканью угадывался мягкий кончик. Бледно-розовый цвет просвечивал сквозь одежду.

Старший брат инстинктивно ткнулся туда носом.

Это движение пробудило в Шуй Цюэ неприятные воспоминания о раздевалке. Он вцепился в волосы Сун Циня, пытаясь привести его в чувство:

— Братик!

Острая боль в коже головы заставила расширенные зрачки Сун Циня сузиться. Он поднял голову. Стоящий перед ним слабый, неспособный сопротивляться альфа смотрел на него с ужасом.

Этот взгляд пронзил мужчину в самое сердце.

Его грудь тяжело вздымалась. Он сделал глубокий вдох, закрыл глаза и, протянув руку к ящику стола, резко выдвинул его. Нашупав на дне блистер с таблетками, он протянул его Шуй Цюэ — сил на то, чтобы справиться с мелкой моторикой и выдавить таблетку из фольги, у него не было.

Рука его так напряглась, что на тыльной стороне ладони вздулись вены.

— Открой.

Пальцы Шуй Цюэ дрожали. Он вскрыл фольгу, едва не рассыпав таблетки.

— Сколько нужно принять за раз?

В его ладони сейчас было шесть или семь штук.

Сун Цинь не ответил. Припав прямо к ладони Шуй Цюэ, он слизал их горячим языком. Прежде чем юноша успел что-либо понять, тот уже проглотил всё лекарство. Даже без воды.

Он всё ещё обнимал Шуй Цюэ. Рубашка на спине альфы была насквозь мокрой, будто его только что вытащили из воды.

— Делай так, как я делал раньше, — хрипло произнёс Сун Цинь, обхватив ладонями его лицо.
— Высвободи феромоны, Шуй Цюэ. Мне нужны твои феромоны.

Обычно феромоны омеги действительно помогают успокоить альфу в период восприимчивости.

«Возможно, мои феромоны псевдо-омеги тоже обладают таким свойством. В конце концов, пахнут они почти так же»

Густой аромат гардении почти полностью заглушал лёгкие нотки улуна в шлейфе. Прижавшийся к нему альфа затих, лишь его дыхание оставалось тяжёлым и частым.

Хотя они были сводными братьями без единой капли общей крови, Шуй Цюэ начинал подозревать, что они с Сун Цинем на самом деле сиамские близнецы.

Кроме ночного сна и прогулок с собакой, этот человек не отходил от него ни на шаг! Его взгляд буквально прикипел к нему! Он таял под этим обжигающим взглядом.

Шуй Цюэ провёл полдня в объятиях брата, дрожа от напряжения. На самом деле, это мало чем отличалось от их прежнего лечения, только теперь они поменялись местами. Теперь он высвобождал феромоны, чтобы успокоить Сун Циня.

Он бы и не заметил ничего странного. Просто теперь он помогал ему так же, как тот раньше помогал ему. Это нормально — раньше Шуй Цюэ точно так бы и подумал. Если бы не нашёл в кладовой те фотографии, тайно сделанные его строгим и педантичным братом.

Сун Цинь даже спросил, не хочет ли юноша, чтобы тот спал с ним в обнимку. Шуй Цюэ с пяти лет спал один в своей комнате и, конечно же, отказался.

Он также понял, почему вчера утром Сун Цинь вернулся в таком потрепанном виде.

Мэйцю, он же Йорк, был крупной, полной энергии собакой в самом расцвете сил. Сун Циню с

его тростью было за ним не угнаться. Стоило чуть ослабить поводок, как пёс тут же исчезал из виду.

Ему приходилось водить овчарку на поводке медленным шагом. Чтобы удовлетворить ежедневную потребность животного в физической нагрузке, оставалось лишь брать временем. Прогулка занимала у Сун Циня всё утро. Но, несмотря на это, он не только не разрешал Шуй Цюэ гулять с ней, но и не позволял Мэйцю самому бегать по горам с поводком в зубах.

— Ему можно, а мне нельзя? — Он никогда не слышал, чтобы брат говорил таким тоном — ревнивым и язвительным.

«Кого он имеет в виду? Се Сянсюня?»

Шуй Цюэ не понимал, из-за чего упрямится Сун Цинь. В период восприимчивости альфа полностью терял своё хладнокровие, заикливаясь на пустяках. К тому же, Мэйцю недолюбливал его и хотел, чтобы поводок держал только Шуй Цюэ. Вчера, когда Сун Цинь гулял с ним, пёс нарочно забегал в самые дебри, доставив тому немало хлопот.

Человек и собака смотрели друг на друга с неприязнью. Поэтому сегодня утром Мэйцю сам поднялся со двора наверх и сел на коврик перед дверью комнаты Шуй Цюэ, с нетерпением ожидая его пробуждения.

Сун Цинь только что принял ингибитор, но его настроение всё ещё было нестабильным. С мрачным лицом он подошёл к собаке.

— Мэйцю, пойдём гулять.

Йорк был умён и понимал команды. Обычно, стоило Шуй Цюэ сказать «пойдём гулять», как он тут же понимал, что пришло время. Пёс припадал на передние лапы и возбуждённо вилял хвостом, ожидая, когда юноша пристегнёт поводок к ошейнику. На ошейнике висел серебряный жетон. Раньше на нём было выгравировано только «Йорк», но недавно Се Сянсюнь заменил его. Теперь на лицевой стороне было «Мэйцю», а на оборотной — «Йорк», чтобы все знали, что у собаки есть хозяин.

— Йорк, — видя, что тот не реагирует, Сун Цинь позвал его другим именем, хоть и не хотел произносить это прозвище, данное Се Сянсюнем. Он упрямо повторил, нарочно замедляя темп, чтобы овчарка расслышала: — Пойдём гулять.

Овчарка бросила на него мимолётный взгляд, вытянулась на месте, её обтекаемые мышцы напряглись и расслабились в золотистом свете. Но на этот раз команда не вызвала у неё никакого интереса. Потянувшись, пёс лёг, опустив уши и не обращая внимания на мужчину.

«Такой же высокомерный и невыносимый, как и его прежний хозяин»

Ингибитор должен был вот-вот подействовать, но этот период восприимчивости был особенно сильным. К тому же, Сун Цинь не видел Шуй Цюэ целую ночь, и от этого на душе скребли кошки. Даже эти короткие минуты ожидания казались невыносимыми. С тех пор как вчера юноша обнаружил фотографии, он стал подозревать брата в том, что тот каждую ночь пробирается в его комнату и фотографирует его спящего. Шуй Цюэ запретил ему входить и даже забаррикадировал дверь стулом.

На самом деле, Шуй Цюэ был несправедлив к нему. Обычно Сун Цинь заглядывал к нему через ночь, чтобы проверить, хорошо ли тот спит и не скинул ли одеяло. Причины задержек были разные, но чаще всего — работа.

Возможно, вчерашний испуг заставил Шуй Цюэ лечь поздно, и он не проснулся в обычное время. Сун Цинь нервно поглядывал на часы. Овчарка лежала на полу, а высокий альфа неподвижно стоял у двери. Человек и собака — два непоколебимых стража.

Спустя долгое время, Йорк, уловив своим острым слухом движение в комнате, вскочил на лапы. Его хвост наконец-то начал вилять, и он принялся нетерпеливо скрести когтями под дверью, скуля тоненьким, жалобным голоском.

Хотя отопление в доме было не слишком сильным, за это короткое время спина Сун Циня успела промокнуть от пота. Вчера вечером он сделал укол ингибитора, но это не помогло. Даже таблетки не действовали, хотя сегодня утром он и увеличил дозу. Нужно было обязательно связаться с Вэй Цином, чтобы тот вечером сменил лекарства.

Дверь со щелчком открылась.

Шуй Цюэ вышел с растрёпанными волосами. Юноша думал, что у двери его ждёт только Йорк, и уже собрался наклониться, чтобы погладить его по голове. Заспанный, он увидел, как овчарка в его поле зрения вдруг отдалилась.

Знакомое ощущение.

Его ноги вдруг оторвались от земли. Шуй Цюэ с некоторым раздражением посмотрел в лицо обнявшему его альфе.

— Доброе утро... братик.

Хотя вчерашние фотографии его сильно напугали, он понимал, что у Сун Циня не было братьев и сестёр, и его привязанность просто перешла границы разумного. Но Шуй Цюэ верил, что тот не причинит ему вреда. Однако Сун Цинь вполне мог причинить вред другим из-за него. При одной мысли об этом юноше становилось жутко.

Овчарка, ожидавшая ласки, прищурила глаза, но ничего не происходило. Открыв их, пёс в

отчаянии вцепился в штанину Сун Циня. Но мужчина уже вошёл в комнату и захлопнул дверь.

Йорк закрутился на месте, жалобно скуля и царапая дверь передними лапами. Зная, насколько умна эта овчарка, Сун Цинь запер дверь на замок, чтобы та не открыла её, нажав на ручку.

— Не надо так, Мэйцю рассердится.

Шуй Цюэ попытался вырваться, но безуспешно. Хотя у старшего брата и были проблемы с ногами, он с детства занимался плаванием, и сила его рук была огромной. Юношу против воли занесли в ванную.

Сун Цинь опустил его перед раковиной. Трость из чёрного дерева была небрежно отставлена в сторону. Большая рука легла на столешницу за спиной Шуй Цюэ, перекрывая ему путь к отступлению. На тыльной стороне ладони мужчины вздулись вены. Грудь, словно стена, не давала ни шагу ступить.

Шуй Цюэ не понимал, что за болезнь у Сун Циня. Тот словно страдал от тактильного голода, и без Шуй Цюэ был как рыба, выброшенная на берег. Они и так стояли близко, но альфе нужно было прижиматься ещё теснее.

Шуй Цюэ с трудом выдавил зубную пасту. Рассердившись, он отложил щётку и ткнул брата локтем в твёрдый бок.

— Братик, отойди немного.

Сун Цинь, не обращая внимания, взял щётку и другой рукой выдавил на неё пасту.

— А, — словно уговаривая капризного малыша, он велел ему открыть рот.

Глаза Шуй Цюэ расширились. Он поспешно оттолкнул щётку.

— Не надо.

Сун Цинь нахмурился, но всё же терпеливо спросил:

— Почему не хочешь чистить зубы? Будет неприятный запах.

Шуй Цюэ был очень чистоплотным. Он просто не хотел, чтобы это делал брат. Пальцы ног в мягких тапках сжались от смущения.

— Я сам почищу, не будет пахнуть, — пробормотал он, пытаясь выхватить щётку из рук Сун

Циня.

Но тот наклонился. Шуй Цюэ ясно видел в зеркале, как Сун Цинь прижался носом к уголку его губ и с каким-то нездоровым интересом втянул воздух.

— М-м-м. Пахнет сладко, — с удовлетворением произнёс он.

Шуй Цюэ застыл. Он чувствовал, что с Сун Цинем что-то не так. Вчера он тоже обнюхивал его, но юноша списывал это на нервозность альфы в период восприимчивости.

Сун Цинь, воспользовавшись его замешательством, сжал его щёки, заставляя открыть рот. Пена от зубной пасты со вкусом лайма и мяты растеклась по белым зубам. Сердце Шуй Цюэ замерло.

Чистки было недостаточно. К его губам поднесли стакан. Юноша пассивно следовал командам:

— Открой рот.

— Сплюнь.

Тёплое влажное полотенце коснулось его лица. После всей этой процедуры настроение Сун Циня, казалось, улучшилось. Увидев, что он успокоился, Шуй Цюэ осторожно спросил:

— Братик, это ты включил глушилку?

Движения Сун Циня замерли.

— Да.

— Можешь её выключить? — продолжал осторожно прощупывать почву Шуй Цюэ. — Я даже в интернет не могу выйти.

— Интернет небезопасен. Сейчас много мошенников, — ровно ответил альфа.

Поняв, что уговоры бесполезны, Шуй Цюэ решил спросить напрямую:

— Меня ругают в интернете, да?

Вчера он видел распечатанные фотографии. Сун Цинь, должно быть, начал расследование сразу после того, как он по ошибке отправил ему фото, и даже заходил на его стримы. «Значит,

он давно разоблачил мои злодеяния?»

— Ты не виноват, — подумав о нашумевшем в сети разоблачительном посте, Сун Цинь помрачнел. В его глазах вспыхнул гнев. — Это они, не разобравшись, клеветают на тебя. Они тебя не знают. Я всё улажу.

— ...

Шуй Цюэ молчал. Это было слишком. Он не думал, что брат может быть настолько предвзятым...

Мэйцю за дверью всё ещё жалобно скулил. Шуй Цюэ было его жаль, да и самому хотелось выйти.

— Может, я сегодня погуляю с Мэйцю?

— Нет. — Сун Цинь был непреклонен. — На улице опасно.

— Я только вокруг виллы, — он прикрыл глаза, позволяя брату наносить ему на лицо увлажняющий крем. Он выглядел невероятно послушным.

Личико юноши было белее самого крема, и Сун Циню хватило бы одной ладони, чтобы полностью его закрыть. Беспокойное сердце альфы постепенно успокаивалось во время этого простого занятия, но он оставался тверд.

— Нет. Ты знаешь, что они пишут в интернете? — закрыв баночку, он медленно опустил руку на талию Шуй Цюэ. — Они говорят... что никогда не видели такого альфу, как ты. И что за принуждение альфы дают максимум три года, а то и вовсе можно отделаться несколькими месяцами.

Он приподнял край одежды юноши. Ладонь, смазанная кремом, уже не была такой грубой. Её тёплое прикосновение накрыло живот Шуй Цюэ. Пальцы в интимном жесте слегка поглаживали мягкую кожу.

Его действия были чересчур интимными, но зеркало отражало серьёзное лицо мужчины в строгих очках.

— Такие альфы днём — приличные с виду звери в человеческом облике. Они никого не трогали, и от сдерживания готовы сойти с ума. Стоит им заприметить тебя, они выждут момент и похитят.

Говоря это, он хмурился, его лицо было ледяным.

— Они будут жестоки, схватят тебя сзади, посягнут на тебя, так что ты даже кончиками пальцев ног не сможешь коснуться земли, дрожа от бессилия.

Такие маньяки без колебаний слизнут даже ту воду, что стекает по телу слабого альфы до самого подъёма стоп. Они осквернят тебя. Сун Цинь ни за что не допустит этого. Нужно лишь спрятать Шуй Цюэ. Чтобы никто другой его не видел. И всё будет хорошо.

Шуй Цюэ испугался его слов.

— П-правда?

Это же так ужасно... Страшнее, чем Се Сянсюнь...

— Да, — рука Сун Циня опустилась на плечо юноши. Его голос прозвучал у самого уха. — Побудь пока дома, хорошо? Братик будет волноваться.

Ресницы Шуй Цюэ опустились, прикрывая глаза. Поколебавшись, он всё же согласился:

— Угу...

Умывшись, он снова толкнул Сун Циня.

— Выйди.

— Что случилось? — Мужчина подумал, что тот беспокоится о собаке. — Он не хочет гулять со мной. Я попрошу Чэнь-шу вывести его.

— Нет.

Шуй Цюэ отрицательно покачал головой. Почему он не понимает? Неужели его намёки так сложны?

— Мне нужно в туалет, — голос юноши становился всё тише. — Поэтому выйди.

— Помочь?

Сун Цинь так же естественно, как только что чистил ему зубы, положил руку ему на пояс. Проснувшись, Шуй Цюэ даже не успел переодеться. Пижамные штаны были из мягкой ткани и свободного покроя. Одно лёгкое движение, и альфа почти «помог» ему. К счастью, юноша успел схватиться за пояс. Голос его дрожал от испуга.

— Б-будь нормальным!

На его лице отразился ужас.

— Братик, позвони дяде Вэй Цину прямо сейчас, пусть сменит тебе лекарство, — торопливо проговорил он.

Иногда, столкнувшись с альфой в период восприимчивости, чувствуешь себя совершенно беспомощным.

<http://bllate.org/book/15811/1433527>